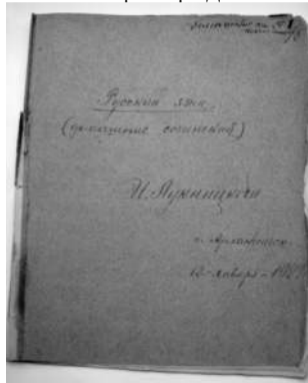

От публикатора. Мои родители — Лукницкий Исай Абрамович и Анна Давыдовна всегда тщательно хранили семейные архивы как свидетельства прожитой жизни. Несмотря на многочисленные переезды моей семьи, жившей на улице Некрасова, д. 12, кв. 6, после капитального ремонта и после смерти родителей я продолжал хранить семейные архивы как бесценное историческое свидетельство того времени, постепенно переводя их в электронную форму. Мой отец — Лукницкий Исай Абрамович, род. 1907 г. в Архангельске, участник экспедиций ледокола «Красин» 1933–34 годов. Во время войны — рядовой пехоты, участник обороны и освобождения Ленинграда от блокады, дважды ранен. Воспоминания моего отца и рабочий дневник моей мамы — вос-

питательницы детского сада во время блокады были опубликованы в журнале «На русских просторах». Дошла очередь до синей тетради с надписью на обложке «РУССКИЙ ЯЗЫК (домашние сочинения) г. Архангельск 12-января — 1924 года».

Там оказалось сочинение моего отца «Моя биография», которое я предлагаю для публикации.

Исай Лукницкий

МОЯ БИОГРАФИЯ

Письменная работа № 3 12/I-1924 г.

Исай Лукницкий

Отец моего отца, т. е. мой дедушка, был религиозный человек, хорошего характера. Он был из кантонистов — солдат, прошедших 25-летнюю военную службу. Кончив службу и приехав в Архангельск, он взял здесь жену, женщину тихого нрава, и зажили тихой семейной жизнью. К их радости, через несколько лет у них родился ребёнок. Радостям не было конца, т. к. главной целью моей бабушки было воспитать своих детей. Второй ребёнок был мальчик (первая была девочка), в детстве был смышлённый и понятливый. Достигнув восьмилетнего возраста, этот мальчик, названный Абрамом, имел себе братишку и через некоторое время другого.

С любовью проводили они своё время, в бедной обстановке, где им было суждено прожить свои дни, выйти в люди и зажечь своей жизнью. Ввиду того, что мой дедушка был беден и жил маленькой торговлишкой, он не мог дать хорошего светского образования своим детям. Да и будучи человеком религиозным, он не был уверен в другом обучении, кроме изучения религиозных вопросов. Между прочим, сам он был не грамотен. Всё же, хотя и против его желания, дети по настоянию моей бабушки были обучены грамоте и письму.

Итак, короче говоря, второй ребёнок моего дедушки был мой будущий отец. Достигнув 12-летнего возраста, по окончании трёхклассного Соломбальского училища, мой отец был отдан часовому мастеру, жившему в Соломбале, в мальчики и учению на часовой

Семейная фотография. Дети Исай, Зина,
Розалия Вениаминовна Хацкелевич

го мастера. Трудно приходилось ему в чужих руках, где на него смотрели, как на подчинённого раба. И действительно хозяин проявлял деспотизм по отношению к моему отцу. А он, угнетаемый хозяином, не мог сказать ни слова против, т. к. отец его был беден и не мог содержать сына. Так продолжалось несколько лет, и счастье улыбнулось ему. В то время в Архангельск приехал богатый часовых дел мастер, который и взял моего отца, как способного, себе в мальчики. Вернее сказать, отец был уже не мальчик, а здоровый юноша 16 лет. Послужив 4 года, он вышел уже хорошим мастером своего дела.

В это время умерла его любимая мать, моя бабушка. Потрясённый горем, он ушёл со своего места и, открыв мастерскую, стал поддерживать своего отца. Дедушка был уже стар и дряхл, чтобы содержать всю семью. Скоро моему отцу суждено было потерять и своего отца и взять на попечение своего малого брата, т. к. средний из них тоже учился часовому мастерству и жил своими средствами. Итак, отец решил упорным трудом поддерживать существование своё и воспитывать брата. Постепенно мастерская его начала превращаться в магазинчик. Двадцати двух лет он женился на благородной девушке из хороших родителей Розалии

Вениаминовне Хацкелевич. Рядом с его мастерской была комната, где они жили. И часто за работой он слышал плач своего первого сына, которого он так горячо любил. Это был их первый любимый сыночек и мой старший брат. Тихо жили мои родители в молодости, любя друг друга и радуясь своему счастью.

Вслед за первым сыном явились другой и третий... Третий сын моих родителей был полный и здоровый ребёнок. Он не был плаксивый и нервный, какими были его братья. С ним не было тех почти смертельных припадков, какие были у его братьев. Это был резвый и смешной ребёнок, любимый всеми. Это был я. По словам родителей, будучи ребёнком, я был не только резвым, но и смышлённый малый. Правильного воспитания я не получил, так как моим родителям на первых порах семейной жизни пришлось очень тяжело в финансовом отношении. И всё внимание было сосредоточено на укреплении финансового положения. Несмотря на это, у нас были прислуга и няньки, ухаживавшие за нами. Шесть лет спустя нас было уже четыре брата и одна сестра, а поэтому и «няни» не могли хорошо усматривать за нами. Итак, за отсутствием строго надзора у всех нас развивались свои взгляды на окружающий мир и вырабатывались свои наклонности и черты характера. Вращаясь приходилось среди детей рабочих и мастеровых, под влиянием этого у меня и выработалось сочувствие к бедному люду: нищему, пришедшему за милостыней, я первый бежал и нёс ему кусок хлеба. Да и теперь сострадание к нищим, и вообще к бедным, у меня не угасло... Так проходило время моего детства, без значительных впечатлений о нём, а я всё рос и рос.

Семи лет я был послан в школу. Первый день поступления в школу, кажется, останется памятным на всю мою жизнь, и как будто это совершалось совсем недавно. Моему счастью не было конца, когда в «первый день» учения, пришедши домой, я всем показывал написанные мною палочки. И с каким желанием я просиживал вечера, усердно выводя заданные «каракули», как говорил мне отец, смеясь над моим усердным выведением «палочек» и «крючочков». Но я не унывал и тихо двигался вперёд. Дни летели за днями... Так проходили недели, месяцы... и минул первый год моего учения. Я был переведён с хорошими баллами во 2-й класс, где начал учиться с ещё большим усилием и рвением. Пролетел и второй год, и я был уже в третьем отделении. Теперь уже учился не с тем детским интересом, как в первый год моего учения; но как бы чувствуя потребность и обязанность учиться. В этом году произошла незначительная перемена, то есть я был переведён в другую школу, и будучи учеником третьего отделения, мальчи-

ком десяти лет, я начал носить очки. Это произошло под влиянием большого пристрастия читать книги в постели при тусклом свете керосинового фонарика, так как в то время мы ещё были не в состоянии провести электричество, что делали только «богатые». Это очень огорчило родителей, и мне было строго запрещено читать вечером книги. А если я хочу, то могу этим заниматься днём. Если так, то я решил бросить чтение книг и в действительности за два последующие года ничего не прочитал, так как и для меня, в свою очередь, было великим горем читать книги «днём», когда все товарищи тут же напротив окна с шумом и смехом катались с ледяной горки, сделанной общими усилиями.

Моя не начитанность в детские годы явилась большим недостатком в теперешнем моём быту, что отражается хотя бы в «школьных сочинениях». Время уходило так быстро, что не успевали опомниться, я переходил из класса в класс без особых усилий. Да и вообще учение мне давалось легко. Среди всего промелькнувшего детства, между прочим, выделялись некоторые переживания, связанные с политическим переворотом в России. Мне пришлось быть свидетелем оккупации Архангельска иностранными войсками, занятия города красными и т. п. И всё это легло на маму и оставалось глубоким впечатлением в моём детском сердце. Наблюдая за гнётом, под которым находилась родственная мне нация при монархизме в России, и следя за политической рознью богатых и бедных классов, борющихся за своё преобладание, моя симпатия была склонена в сторону последних. На меня оказывала влияние всякая шероховатость обыденной жизни, оставляя глубокое впечатление. Под влиянием этого у меня произошло изменение в наклонностях моего характера.

Теперь к делу... Кончив первый класс Смешанной гимназии, я поступил во второй класс Реального Училища, к чему я стремился несколько лет. Здесь впервые мне удалось испытать школьную дисциплину, так как до этого, находясь в сфере прохождения первых классов, мне это не встречалось. Будучи от природы кротким, но любящим иногда поспорить о задевшем меня вопросе, я вёл себя довольно прилично, исключая моменты ссор с товарищами, когда меня, вошедшего в азарт ссоры, совсем не узнавали. Это происходило по причине того, что я был единственным евреем в классе, окружённым детьми аристократов г. Архангельска, пропитанных отвращением к еврейской нации, а поэтому искавших поводы обидеть меня. Я же, как загнанный в стадо волков ягнёнок, яростно отбивался от этой своры «злодеев», тая в душе месть... Но мои товарищи были наказаны не мною..., а случив-

шейся революцией. Т. е. в результате разных несчастий они «материально упали», и теперь с некоторыми из них у меня заведены дружеские отношения. Итак, в этом отношении мне помогла революция. А ведь это оригинальная помощь. Кончаю 2-й класс Реального училища и вместо того, чтобы перейти в 3-й класс, я попадаю в 5-й класс I ступени 9-й сов. школы. Это получилось вследствие разделения школы на I и II ступени. Как бы то ни было, принимаюсь за учение. Сызнова завожу знакомства с новыми товарищами и товарками, т. к. в школе учились вместе мальчики и девочки.

Учебный год кончился, настали летние каникулы, замечательные фактом моей поездки с матерью «за хлебом». Это покажется интересным и смешным — включать сей факт в мою биографию, но последствия поездки очень сильно отразились на некоторых моих взглядах, а поэтому является необходимостью — более подробно описать этот факт, имевший место в 1921 г. Царившая в России послереволюционная разруха отразилась и на моём доме. В силу различных обстоятельств, мы остались с почти голыми руками, а поэтому все недостатки и лишения голодного периода отразились и на нас. Будучи привыкшими с детства жить в добре и счастье, мы вынуждены были смириться создавшимся тяжёлым положением. Во всё приходилось себе отказывать, и даже доходило до того, что мы (дети) получали от родителей паёк хлеба 1 фунт, так, чтобы мы могли им располагать по своему желанию. Иначе говоря, рано или поздно съевши за день 1 фунт чёрного хлеба и ещё кой-какой приварок, приходилось ждать томительного утра, чтобы сызнова получить следующий хлеб. На мать это повлияло губительно, следствием чего было её заболевание — сначала лихорадкой, а потом и сыпным тифом, чем, впрочем, у нас проболело всё семейство, за исключением двух старших братьев...

Наконец, положение нашей семьи облегчилось тем, что отец возобновил работу в мастерской, до того почти заглохшую, а во вторых, было разрешено ехать менять по деревням различные «излишние» вещи (как многие выражались) на продукты питания: муку, масло и т. д. Короче говоря, моим радостям не было конца, когда я узнал, что я с матерью отправляюсь за покупкой хлеба. Забыв все невзгоды и недостатки, я как бы совсем переменялся и стал другим человеком. Исчезнувшая на время весёлость опять возвратилась ко мне. И так понемногу всё было налажено для обмена. Наш обменный фонд состоял из старых пиджаков, брюк, жилетов, ботинок, карандашей, медицинских принадлежностей (главным образом, хинин), и т. п. мелочь.

Может быть, прочитавший это, улыбнётся и подумает, что это глупая фантазия, и он будет прав, т. к. это редко случается, чтоб такие вещи, как старую изношенную одежду, меняли на хлеб... Но, что в жизни не бывает?! Мы ехали на большом пароходе, имевшем название «Лев Троцкий», по тихой Северной Двине. Пароход шёл быстро, так что казалось, это берега плыли в обратную сторону... После весёлой поездки мы прибыли в село Черевково, где и обменяли наш «товар» на 5 пудов хлеба и 4 пуда картофеля. Весьма счастливые таким приобретением, мы благополучно возвратились домой из нашего знаменательного путешествия. Эта поездка всю жизнь мою будет говорить мне о великом несчастье, постигшем Россию в 1921–22 годах.

Итак, каникулы кончились. Путём новых изменений в установлении «школьных порядков», я попал во 2-й класс 3-й школы II ступени (бывшее Реальное училище), в котором продолжаю учиться и по это время... Отражение Революции в моём характере есть то, что я всецело солидарен с настоящим установившимся управлением в России.

(Роспись автора)

Архангельск

* * *

*Сын, тебя я под сердцем носила,
Я тобою гордилась, любя.
И со всей материнскою силой
Я теперь заклинаю тебя:*

*Бей врага! Над твоей головою
Вьётся русского знамени шёлк,
Каждый немец, убитый тобою, —
Это Родине отданный долг.*

*Бей врага! Раскалённым металлом,
Превращай его в пепел и дым,
Чтобы с гордостью я восклицала:
«Это сделано сыном моим!»*

*Бей врага! Чтобы он обессилел,
Чтобы он захлебнулся в крови,
Чтоб удар твой был равен по силе
Всей моей материнской любви.*

Вера Инбер

18 августа 1942 года «Ленинградская правда»